

УДК 322

Камалова А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, г. Москва, ГСП-1,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И МОДЕЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ И РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

АННОТАЦИЯ

В публикации рассматриваются современные взаимоотношения светской и духовной власти. На основе системно-структурного анализа произведён выбор из существующих теоретических концепций и практических моделей взаимодействия духовной и светской власти элементов, механизмов и инструментов для реализации в российской практике общественного управления и государственного строительства. Выделены унитаристская концепция, концепция максимальной секуляризации, концепция межсекторного взаимодействия и соответствующие модели взаимоотношений светской и духовной власти в отдельных современных государствах. Делается вывод, что в нашем государстве чрезвычайно важно предусмотреть активное развитие межсекторного социального партнёрства, элементы и инструменты которого направлены на эффективное решение комплекса задач общественного развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

светская власть, духовная власть, секуляризация, православие, ислам, общественное устройство, межсекторное взаимодействие.

A. Kamalova

Lomonosov Moscow State University
24, bld. 4, Lomonosovskiy prospect, 119991 Moscow, Russian Federation

MODERN CONCEPTS AND MODELS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SECULAR AND RELIGIOUS POWER AND RUSSIAN REALITY

ABSTRACT

The publication deals with modern concepts and models of the relationship between secular and religious power. Based on the system-structural analysis, the elements, mechanisms and tools for implementing public management

and state building in Russia were chosen out of the existing theoretical concepts and practical models of interaction between the religious and secular power. The author singled out the unitary concept, the concept of maximum secularization, the concept of inter-sectoral interactions. Besides, the corresponding models of the relationship between secular and spiritual power existing in several modern states were described. It is concluded that it is extremely important to envisage the active development of an inter-sectoral social partnership, the elements and tools of which are aimed at the effective solution of a set of problems of social development.

KEY WORDS

secular power, religious power, secularization, Orthodoxy, Islam, social structure, inter-sectoral interaction.

В современном демократическом обществе гарантом баланса интересов в общественных отношениях выступает активный диалог государства и церкви, основанный на взаимном уважении и партнёрстве. Именно поэтому неизменно актуальным остаётся вопрос выбора лучшего способа организации взаимоотношений между светской и духовной властью. В нашей стране основы модели таких взаимоотношений определены действующим законодательством Российской Федерации. Это прежде всего провозглашённая Конституцией РФ [3] свобода вероисповедания, а также принцип отделения церкви от государства. Государство не вмешивается в сферу управления духовной власти, а также формирует все возможные предпосылки для реализации права на свободу вероисповедания. В частности, особым статусом наделены религиозные объединения, за которыми закрепляется целый ряд прав, имущественных и неимущественных, и которым предоставляются многочисленные налоговые льготы и послабления.

В то же время далеко не все вопросы, связанные с взаимоотношениями светской и духовной власти, решены в российском обществе. В частности, налицо отсутствие единства в концептуальном осмыслении системы взаимоотношений светской и духовной властей. В этой связи важными теоретической и практической задачами выступают анализ современных концепций и моделей взаимодействия духовной и светской власти, выбор на его основе наилучших элементов, механизмов и инструментов для реализации в российской практике.

Среди актуальных современных концепций взаимодействия в исследуемой сфере могут быть выделены следующие.

Во-первых, **унитаристская концепция**. Она предполагает тесное взаимодействие правительств и духовных лидеров во всех сферах власти – исполнительной, судебной, законодательной. Концепция строится на активном участии духовенства в управлении государственными делами, включая законотворчество и отправление правосудия.

На практике данную концепцию с теми или иными изъятиями реализуют страны, в которых церковь не отделена от государства. Таковы, в частности, модель религиозного государства (Ватикан), модели организации исламского государства и общества (Иран, Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Катар и т. п.). По сути, речь идёт о множестве моделей государственного устройства, объединённых активным проникновением религии в государственные дела.

Обратим внимание, что в таком случае не просто объединяются усилия светской и духовной властей в достижении общественно-полезных целей; церковные нормы и правила становятся правовыми нормами (инкорпорируются в действующее законодательство либо учитываются при его разработке), духовные лидеры выступают формальными или фактическими представителями определённой ветви власти (в том числе самостоятельных ветвей – органы религиозного государственного контроля, органы религиозного правосудия и др.). В Ватикане духовный лидер является главой государства.

Помимо экстремумов унитаристская концепция активно применяется в государствах с высокой долей верующих и высокой значимостью религии в жизни общества (например, Израиль, отдельные страны Центральной и Латинской Америки). Несмотря на формальное отделение церкви от государства, жизнь государства и общества подчинена религиозным правилам, которые, чаще всего как обычаи, инкорпорируются в законодательство. Духовные лидеры, хотя и не имеют формальной власти, активно вмешиваются в государственные дела, их мнение может учитываться при принятии государственных решений. Именно на такую роль, по мнению отдельных представителей экспертного сообщества, претендует и руководство РПЦ [2]. Здесь следует оговориться, что жизнеспособность указанная модель демонстрирует прежде всего в государствах с одной (базовой) религией, но в таком многоконфессиональном государстве, как Россия, сращивание светской власти и духовенства одной из конфессий, как представляется, может стать очагом конфликтов и напряжённости.

Для некоторых многоконфессиональных государств с федеративным устройством теоретически может быть применена **концепция конфессиональной автономии** [7]. Её суть заключается в том, что тесное единение светской и духовной властей допускается в регионах с доминированием определённой конфессии, т. е. там, где религия проникает во все сферы общественной жизни. В чистом виде данная концепция на практике не реализована нигде. В Индонезии, часто приводимой как пример, имеет место несколько иное – на территории, где проживает население, исповедующее доминирующую религию, происходит сращивание светской и духовной властей; в регионах же, где граждане исповедуют другую религию, практикуется строгое отделение церкви от государства. Следует отметить, что концепция конфессиональной автономии, по мнению некоторых исследователей и

общественных деятелей, наилучшим образом подошла бы для организации взаимоотношения светской и духовной власти в отдельных субъектах Северо-Кавказского федерального округа РФ [1]. Однако, помимо отсутствия практики реальной апробации концепции в действующих моделях государственного и общественного устройства, её внедрению противоречит сама модель российского федерализма, которую можно справедливо назвать централизованным федерализмом, для которого характерно сильное влияние федерального центра [6]. В условиях, когда жёсткая и централизованная «вертикаль» управления считается основой стабильности в российском обществе [5], признание конфессиональной автономии в отдельных регионах и допущение совместного управления обществом региональными светскими властями и духовенством в качестве официальной государственной практики видятся маловероятными, что, впрочем, не мешает реализовывать такую модель взаимодействия в качестве неформальной практики, как это и происходит на Кавказе.

Концепция максимальной секуляризации предполагает ограничение светской и духовной властей в той степени, в которой светская власть поддерживает религиозные объединения, признаёт за духовенством, легально осуществляющим управление приверженцами определённой конфессии, права на регламентацию аспектов морали и т. п., но не допускает случаев его активного вмешательства в личные вопросы и в государственную жизнь. Публичный диалог между руководством конфессий и государством возможен лишь в исключительных случаях, демонстрация руководством государства определённых конфессиональных предпочтений считается неприемлемой [8]. Как видим, данная концепция является некой противоположностью унитаристской. Применительно к современным демократическим государствам основанные на ней модели взаимоотношений светской и духовной власти (реализуемые прежде всего в США, отдельных государствах Британского Содружества наций) могут считаться противоположным экстремумом, скажем, в сравнении с исламской моделью общественного устройства.

Ещё одна концепция взаимоотношений светской и духовной власти – **концепция межсекторного взаимодействия (социального партнёрства)**. Она базируется на концепции партнёрства трёх секторов экономики – бизнес-сектора, публичного сектора и «третьего сектора», представленного субъектами гражданского общества [4].

Американскими исследователями Дж. Сельски и Б. Паркер даётся определение межсекторного социального партнёрства, получившее наиболее широкое распространение – «союз между сторонами, представляющими правительство, бизнес, гражданское общество, в котором стратегически объединяются ресурсы и способности каждой из сторон и которое основано на принципах разделения рисков, затрат и общей выгоды» [10].

Религиозные организации воспринимаются как представители «третье-

го сектора». Их руководство и активисты привлекаются к общественному диалогу, пользуются поддержкой в равной степени государства и бизнес-субъектов, а также многочисленными преимуществами самой формы межсекторного социального партнёрства.

В контексте настоящего исследования под межсекторным социальным партнёрством государства, бизнеса, некоммерческого сектора и религиозных организаций понимается конструктивное, целенаправленное системное взаимодействие светской, духовной властей и представителей бизнес-сообщества, направленное на эффективное решение комплекса задач общественного развития, проблем экономического характера, а также диспропорций в многостороннем диалоге по вопросам свободы вероисповедания и отправления религиозных обрядов и ритуалов.

В принципе, межсекторное социальное партнёрство в формате «государство – бизнес – церковь» может быть реализовано при любой форме и модели общественного устройства.

Наконец, для обеспечения надлежащей реализации такого взаимодействия, особенно в многоконфессиональных государствах, создаются институты прямого общения духовных, общественных и государственных лидеров. Подобные институты активно создаются в России (в том числе и по инициативе государства – например, Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, Объединённая комиссия Совета Федерации по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений и др.), однако западные исследователи доказывают, что без реализации активного межсекторного взаимодействия деятельность таких органов не решит всех проблем в общении светской и духовной властей [9].

Помимо приведённых в данной статье, существует множество **иных концепций**, в которых практика взаимодействия светской и духовной властей варьируется от запрета сношений до обязательного поглощения церкви в целях обеспечения контроля над ней. Модели государственного управления и общественного устройства, основанные на таких концепциях, существовали в прошлом и могут впредь реализовываться, прежде всего в недемократических обществах.

Таким образом, проведённый анализ современных концепций и моделей взаимоотношений светской и духовной власти позволяет констатировать, что для оптимизации соответствующих взаимоотношений в нашем государстве чрезвычайно важно предусмотреть активное развитие межсекторного социального партнёрства, элементы и инструменты которого направлены на эффективное решение комплекса задач общественного развития, проблем экономического характера, а также диспропорций в многостороннем диалоге по вопросам свободы вероисповедания и отправления религиозных практик. Именно концепция межсекторного взаимодействия лучше других подойдёт для совершенствования отношений между государ-

ством, обществом и многочисленными конфессиями в современной России, в то время как ни сращивание государства и церкви, ни их разделение, ни даже активный диалог, реализуемый в настоящее время, решения проблем не приблизят. Применимость же в отдельных регионах России, в частности в Северном Кавказе, концепции межконфессиональной автономии видится возможной лишь при сохранении конституционных требований верховенства закона и гарантий прав лиц, исповедующих другие религиозные практики либо не исповедующих ни одной из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джабраилов Ю.Д. Государственно-конфессиональные отношения в имамате // Исламоведение. 2013. № 3. С. 67–74.
2. Иноземцев В. Власть – от бога, бог – от власти! [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-an.info/новости/православное-чудо-рпц-приватизировала-бога-и-религию-в-россии> (дата обращения: 13.12.2017).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Макеева О.Б. Третий сектор экономики: теория и практика: монография. Воронеж: Издательский дом Воронежского государственного университета, 2016. 196 с.
5. Осипов А.Г. Конвертация социального протеста в укрепление вертикали власти // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 6. № 1. С. 86–92.
6. Савельев А.Э., Шаповалов А.В. Тенденции развития российского феде- рализма // Очерки новейшей камералистики. 2016. № 2. С. 205–207.
7. Cush D. Autonomy, identity, community and society: Balancing the aims and purposes of religious education. New York: Taylor&Francis, 2014. 400 p.
8. Huber J.D., Stanig P. Church-state separation and redistribution // Journal of Public Economics. 2011. № 95 (7). P. 828–836.
9. Lupu I.C. Models of Church-State Interaction and the Strategy of the Religion Clauses // DePaul Law Review. 1992. № 42. P. 223–233.
10. Selsky J.W., Parker B. Cross-sector partnerships to address social issues: Challenges to theory and practice // Journal of management. 2005. № 31 (6). P. 849–873.

REFERENCES

1. Dzhabrailov Yu.D. [Church-state relations in the Imamate]. In: *Islamovedenie* [Islamic Studies], 2013, no. 3, pp. 67–74.
2. Inozemtsev V. *Vlast' – ot boga, bog – ot vlasti!* [The power is from God, God is from the power!]. Available at: <http://ru-an.info/новости/православное-чудо-рпц-приватизировала-бога-и-религию-в-россии> (accessed: 13.12.2017).
3. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended on 21.07.2014 No. 11-FCL)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398.

4. Makeeva O.B. *Tretii sektor ekonomiki: teoriya i praktika* [The third sector of the economy: theory and practice]. Voronezh, Publishing house of Voronezh State University Publ., 2016. 196 p.
5. Osipov A.G. [Conversion of social protest in strengthening the vertical of power]. In: *Interekspo Geo-Sibir'*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 86–92.
6. Savel'ev A.E., Shapovalov A.V. [Tendencies of the Russian federalism development]. In: *Ocherki noveishei kameralistiki* [Essays on the Newest Cameralistics], 2016, no. 2, pp. 205–207.
7. Cush D. *Autonomy, identity, community and society: Balancing the aims and purposes of religious education*. New York, Taylor&Francis, 2014. 400 p.
8. Huber J.D., Stanig P. Church-state separation and redistribution. In: *Journal of Public Economics*, 2011, no. 95 (7), pp. 828–836.
9. Lupu I.C. Models of Church-State Interaction and the Strategy of the Religion Clauses. In: *DePaul Law Review*, 1992, no. 42, pp. 223–233.
10. Selsky J.W., Parker B. Cross-sector partnerships to address social issues: Challenges to theory and practice. In: *Journal of management*, 2005, № 31 (6), pp. 849–873.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию 28.11.2017

Статья размещена на сайте: 27.03.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Камалова Аида Армаисовна – аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий специалист по маркетингу Медицинского научно-образовательного центра МГУ; e-mail: Kamalova.aida@mail.ru

Aida A. Kamalova – postgraduate student at the Department of the Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; marketing manager of the Medical Research and Educational Center, Lomonosov Moscow State University; e-mail: Kamalova.aida@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Камалова А.А. Современные концепции и модели взаимоотношений светской и духовной власти и российская действительность // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kamalova A.A. Modern concepts and models of the relationship between secular and religious power and Russian reality. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru